

А. Ю. Андрианов

Причины и обстоятельства ухода в монастырь¹

В данной статье нами предпринята попытка анализа, как видно из заглавия, причин и обстоятельств ухода в русские православные монастыри. Источниками служили печатные издания (здесь особенно стоит выделить «Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 вв.»²), периодика, материалы архивов и результаты полевых наблюдений автора.

Хронологические рамки исследования: XIX век, начало XX века – вплоть до массового закрытия монастырей в 20-е годы советского времени, и современная нам действительность. Широта охватываемого периода определялась задачей рассмотрения интересующего нас явления в момент расцвета монастырской традиции и ее восстановления в текущих условиях.

В центре изучаемого вопроса – личность будущего насельника монастыря, поэтому представлялось важным попытаться понять, что влияло на формирование его характера, способствовало появлению желания иноческой жизни, а также каковы были типичные обстоятельства ухода в монашескую обитель.

Предваряя нашу статью, укажем на то, как вышеозначенная тематика освещалась в святоотеческой традиции, из множества высказываний остановимся на словах аввы Пафнутия в книге прп. Кассиана Римлянина об образах монашеского призыва. «Первое призвание – непосредственно от Бога; второе – через людей; и наконец третью – по нужде. Для первого характерно некое вдохновение, которое исполняет сердце человека даже во сне, неудержимо влеча его к любви Божией, к заповедям Христа. Второе – через людей,

когда кто воспламеняется желанием божественным посредством слова человеческого или влияния святых людей. Третье – по нужде, в силу постигающих нас бедствий, опасностей для жизни, потери близких родных, что толкает человека обратиться к Богу».³ Этим мы хотим подчеркнуть, что для верующего человека все происходящее в его жизни происходит по Божьему промыслу, тем более – призвание к монашеству, но, оставляя разработку подобных вопросов богословию, мы в вопросе соработничества человеческого устремления и Божественной воли останавливаем наше внимание на человеческой стороне дела, на земных обстоятельствах и ситуациях, приведших к тому или иному результату, и пытаемся проследить, как судьбы приближенных к нам по времени людей в основном подтверждают, с естественной поправкой на исторические условия, положения святоотеческой мысли.

Перейдем к нашему исследованию.

В разного рода жизнеописаниях, биографиях иноков довольно много места уделяется детским и юношеским годам, описанию семьи.

Для дореволюционного периода естественным было получение религиозного воспитания в семье. Причем высокий уровень религиозности, как видно из изучаемых источников, был свойствен разным сословиям.

Приведем несколько примеров. Так, из купеческого рода курских купцов Антимоновых вышли оптинский архимандрит Исаакий и его старший брат, наместник Киево-Печерской лавры, архимандрит Мелетий. Большую роль в их воспитании сыграл дед, Василий Васильевич Антимонов. «От-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

² Жизнеописания отечественных подвижников благочестия. Т. 1—14. М., 1906—1912.

³ Архимандрит Софоний. Рождение в Царство Непоколебимое. М., 2000. С. 124.

личаясь ревностью к посещению храма Божия и проводя вообще христианскую жизнь, он требовал исполнения религиозных обязанностей и от всей своей многочисленной семьи, главным распорядителем которой оставался до самой кончины»⁴.

Род серпуховских купцов Путиловых дал Русской Православной Церкви трех настоятелей монастырей, двое из которых причислены к лику святых. На обратной стороне мраморного памятника их отцу, Ивану Григорьевичу, на городском кладбище г. Мологи Ярославской губернии была начертана следующая надпись: «Путилова дети: Моисей, Игумен Оптино пустыни, Исаия, Игумен Саровской пустыни, Антоний, Игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря»⁵.

В крестьянской семье Судьбицких Череповецкого уезда Новгородской губернии трое из четырех детей стали монахами: иеросхимонах Иоанн, схиигумен Нил и иеродиакон Макарий. Их отец, Никита, «ведя строго-христианскую жизнь, старался и детям дать такое же воспитание и считал своею обязанностью каждую церковную службу водить своих детей в храм Божий»⁶. Если кто-то из детей оставался дома, то он дожидался возвращения из церкви родителей, т. к. к трапезе приступали только после вкушения принесенной отцом просфоры. «Бабушка или дедушка, желая чем-нибудь утешить детей и чтоб незаметно прошло время до окончания обедни, начинали рассказывать им разные истории из Св. Писания и из жизни святых или учить какой-либо молитве»⁷. Надо отметить, что впоследствии и сами родители приняли постриг.

Вполне естественно, что среди наследников монастырей было много выходцев из семей священников и церковнослужителей. Вот несколько характерных описаний. Преосвященный Поликарп, епископ Орловский и Севский, был сыном священника г. Каменец-Подольска Иоанна Радкевича. «Родители преосвященного Поликарпа, по словам старожилов, были очень бедны, но богаты нравственными, добрыми качествами: были весьма набожны, любвеобильны и сострадательны к бедным и несчастным. В этом же направлении они старались воспитать и детей своих»⁸.

Тихвинский архимандрит Илларион «родился неподалеку от города Каргополя Олонецкой губернии, в Воеворском приходе, от благочестивых родителей, священника Андрея Кириллова и жены его Ирины Петровой... Воспитывался он дома и под руководством отца научился читать и писать и петь по нотам, а также Катехизису и Священной Истории»⁹.

Дети священников рано начинали, помогая отцу, исполнять должности алтарников, пономарей, чтецов и певчих на клиросе, что не могло не сказываться на формировании стремления полностью посвятить свою жизнь Богу.

Роль и влияние матери на душу ребенка трудно переоценить. Пример материнской жизни во многом определял будущее решение детей уйти в монастырь.

Так, у преосвященного Филарета (Гумилевского) «мать его, Настасья Васильевна, была образцом древнерусской благочестивой женщины. Убравшись с хозяйством, в праздничные дни она непременно шла в церковь, «чтобы совестливее было за стол сесть, дара Божия, хлеба-соли вкусить». Она принимала странников, оделяла нищих»¹⁰.

В крестьянской семье, где родился архимандрит Гавриил (Зырянов), «матушка была женщина духовная. Даже и на детские шалости смотрела вот с той точки зрения, что грешно это или нет? Так и в жизни она оценивала только с религиозной стороны: угодно ли Богу?»¹¹ При болезни ребенка ею давались обеты, и так как мальчик часто болел, обетов было дано много: неопустительное ежепраздничное посещение церкви, раздача милостыни, совершение домашних молений, отказ от супружеских отношений и употребления мяса. «Чрез это жизнь семьи Зыряновых стала совершенно особенной, полумонашеской, она выделялась даже наружно из ряда прочих крестьян»¹².

Подобные этому примеры, показывающие не требующее особых доказательств значение матери в деле воспитания, можно умножать.

Помимо родителей, как видно из изучения иноческих биографий, иногда большую роль в становлении желания уйти в монастырь играли и более дальние родственники — некоторые из них были монахами, а также странники, паломники, юродивые.

⁴ Жизнеописания... Август. С.413.

⁵ Житие преподобного схиархимандрита Моисея Путилова. Изд. Свято-Введенской Оптино пустыни, 1992. С. 11.

⁶ Жизнеописания... Ноябрь. С.262.

⁷ Жизнеописания... Ноябрь. С. 263.

⁸ Жизнеописания... Август. С.451.

⁹ Жизнеописания... Октябрь. С. 527.

¹⁰ Жизнеописания... Декабрь. Ч. 1. С. 7.

¹¹ Схиархимандрит Гавриил. Старец Спасо-Елеазаровой пустыни. СПб., 1996. С. 10.

¹² Там же. С. 10.

Их рассказы о монастырской жизни, отличие внешнего поведения влияли на восприимчивую детскую душу.

Так, иеросхимонах Псково-Печерского монастыря Симеон (Желнин) вспоминал, что в дом его отца приезжал монах Крыпецкого монастыря о. Корнилий и иногда брал его с собой по сбору пожертвований, многое ему при этом рассказывая из монастырской жизни, предрекая мальчику иноческое будущее, что и сбылось впоследствии¹³.

Игумен Коломенского Старо-Голутвинского монастыря о. Назарий (Барданосов) восьмилетним был отдан для обучения торговому делу. «Дом купца посещал его родной племянник-монах. Общаясь с ним, мальчик почувствовал тайное призвание к иноческой жизни и однажды, с полным убеждением в сбыточности своих слов, сказал ему: «и я буду монахом!»¹⁴

Архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров) с пятилетнего возраста воспитывался в архиерейском доме высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского и Галицкого. «Здесь, под влиянием владыки-аскета, начало развиваться и в юном племяннике его религиозно-аскетическое настроение... Святитель обучал племянника первоначальной грамоте, рассказывал ему жития святых и на седьмом году жизни сделал его церковником, посвятив его в стихарь и назначив жеzuносцем при своих архиерейских служениях»¹⁵.

Старца Адриана, иеромонаха Югской Дорофеевой пустыни, в детстве выделял «... живший в то время в городе юродивый... блаженный часто с любовию брал его на руки и, высоко поднимая на воздух, говорил о будущем призвании отрока»¹⁶.

При рождении преосвященного Филарета (Гумилевского) юродивый колокольным звоном в неурочное время переполошил все село. «Рад Алешка, что родился великий Тимошка! А он будет звонить, звонить будет на всю Русь!»¹⁷ Эти слова блаженного, рассказ о его поведении, часто повторявшийся в семейном кругу, не могли не по-

влиять на последующий жизненный выбор владыки. Сам преосвященный впоследствии также отмечал и влияние тети, которая «с детства расположила к монашеству... своею аскетическою жизнью...»¹⁸ родного племянника.

Несомненно также и значение паломничества, широко распространенного во всех слоях дореволюционного общества России¹⁹. Паломничества оказывали влияние на всех членов семьи, как на родителей, так и на детей. Примеры подобного влияния многочисленны, приведем лишь два.

Отец старца Гефсиманского скита, иеросхимонах Александр (Стрыгина; + 1878 г.), будучи на богомолье в Оптиной пустыни, присутствовал при совершении чина пострижения в монашество и, вернувшись домой, рассказывал, что: «...умиленный до глубины души... подумал: «Что, если бы Господь сподобил хотя бы одного из моих сыновей послужить Богу в монашестве, и как бы я был рад. видя хотя бы одного сына своего монахом!»²⁰

Родители схиигумена Саввы (Остапенко; + 1980 г.), посещая на богомолье монастыри, часто брали сына с собой. Мальчик «по возвращении домой, делясь впечатлениями, ... говорил родным: «Вырасту, буду монахом!»²¹

Вышеприведенные примеры можно обобщить афонским присловьем, отражающим опыт десятков поколений монашествующих, что «нельзя бросить все на свете, если не увидишь на лице хоть одного человека сияние вечной жизни».²²

От рассмотрения внешних условий (семья, окружения), воздействовавших на стремление к иноческой жизни, мы переходим к анализу типа характера, склада личности будущего насельника, в решающей степени определявших, несмотря на благоприятные или напротив обстоятельства. судьбу человека.

И здесь нам снова не обойтись без свидетельств современников.

Начнем, как и прежде, с детских лет. Надо сказать, что из изучения источников видно, что часто

¹³ Старец Симеон. М., 1995. С. 5.

¹⁴ Жизнеописания... Ноябрь. С. 379.

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ Там же. Август. С. 114.

¹⁷ Там же. Декабрь. Ч. 1. С.7.

¹⁸ Там же. С. 17—18.

¹⁹ Тема паломничества подробно освещена в работе Поплавской Х. В. «Народная традиция православного паломничества в России в XIX—XX вв. (По материалам Рязанского края). Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 2002. Мы же коснемся лишь интересующего нас аспекта.

²⁰ Старец Гефсиманского скита иеросхимонах Александр. М., 2000. С. 6—7. Следует отметить, что и сам родитель старца окончил свои дни в монашестве, также в Гефсиманском скиту.

²¹ Схиигумен Савва. Опыт построения истинного мироцерцания М., 2002. С. 8..

²² Цит. по кн.: Митрополит Сурожский Антоний. Человек перед Богом. М., 2001. С. 366. Необходимо сказать, что и в жизни самого митрополита Антония была подобная встреча.

с раннего возраста люди, пришедшие впоследствии к иночеству, отличались от сверстников в сторону склонности к уединению, большей впечатительности и не по годам серьезным восприятием мира. Трудно заподозрить составителей жизнеописаний в приукрашивании (в силу того, что автор отвечал христианской совестью за верность своих высказываний. – А. А.), в создании более канонической картины (в подражание, например, древним патерикам), видимо, как и всякое призвание, иночество предполагает наличие определенных личностных качеств.

Приведем несколько типичных примеров.

Белобережский старец Макарий (+ 1839 г.), в миру Михаил Дмитриевич Злобин: «еще в отроческом возрасте он отличался скромностью, был весьма смирен и молчалив»²³.

Епископ Астраханский и Енотаевский Герасим (Добросердов, + 1880 г.): «... с самого юного возраста был склонен к уединению и молитве. Ребенок нередко становился в уединенном месте, воздевал руки к Богу и в сладость молился»²⁴.

Схимонах Антоний (Пименов, + 1893 г.): « С самого малолетства, по первой памяти, ни детские игры, ни шалости не привлекали его»²⁵.

Архимандрит Моисей, настоятель Тихоновой Калужской пустыни (Красильникова, + 1895 г.): «Родители как-то невольно останавливали на сыне Михаиле свое особое внимание: в нем они видели, в сравнении с другими детьми, «особое устройство», как выражался сам о. Моисей впоследствии. Мальчик был тих, серьезен, всегда сосредоточен идержан»²⁶.

Почти каждая иноческая биография начинается с примерно таких строк. Конечно, были среди насельников монастырей и натуры энергичные, ярко выраженного деятельного характера. Но описания такого рода встречаются весьма редко, мы остановимся на них поподробнее в дальнейшем.

Детская сосредоточенность на себе, на собственных переживаниях не исключала и отрицательного варианта развития. Что вполне понималось близкими, предпринимавшими против этой нежелательной возможности различные меры, каковыми были — регулярное посещение храма, таинства исповеди и причастия, домашнее молитвенное правило, милостыня, влияние старших.

Вот как, например, данный аспект становления личности отражен в биографии о. архимандрита Моисея (Красильникова): «... из мальчика мог выработаться делец (о. Моисей происходил из купеческого сословия — А. А.), замкнутый, нелюдимый и бессердечный, — если бы ... воспитавший его родитель не был таким, каким он был, т. е. прежде всего человеком богобоязненным»²⁷.

Подробный и развернутый анализ врожденных личностных свойств, в своей совокупности служащих предпосылкой к уходу в монастырь, — тема, требующая отдельного и особого внимания.

Мы же, в рамках данной статьи, переходим к следующему фактору, также во многом определявшему выбор иноческой стези. Фактору,енным образом воздействовавшему на людей разных складов характера, и воздействие это было длительным, на протяжение всей жизни. Речь идет о значении чтения, но, в силу поставленной задачи, нам предстоит ограничиться анализом степени его влияния на принятие решения посвятить себя Богу наиболее полным и крайним образом.

Как известно, обучение грамоте в дореволюционной России зачастую велось по Псалтири и Часослову, т. е. с детства прививалось христианское миссионерство. Не вдаваясь в подробное рассмотрение круга чтения, отметим, что неизменной его составляющей, по мере взросления человека, становились книги Священного Писания и жития святых, в частности, Четы-Миней свт. Дмитрия Ростовского. Для нас важно показать, каким было воздействие христианской литературы на духовное становление личности и к каким результатам порой приводило усвоение содержащихся в ней взглядов.

Приведем несколько свидетельств из биографий уже упоминавшихся подвижников.

Святитель Киевский Филарет (Амфитеатров; + 1857 г.): с детства «любимым же чтением его было слово Божие и жития святых»²⁸. Однажды «...читал он житие св. Филарета Милостивого; очень по сердцу пришлось оно мальчику; второй раз он начал его читать. Пламенное желание и ему посвятить себя на служение людям охватило мальчика; образ св. Филарета Милостивого глубоко отпечатлевался на сердце мальчика. Дума принять иночество и имя святого этого охватила ревнителя жизни святой»²⁹.

²³ Там же. Октябрь. С. 668.

²⁴ Там же. Ноябрь. С. 293.

²⁵ Там же. Октябрь. С. 30.

²⁶ Там же. Ноябрь. С. 19.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Декабрь. Ч. II. С. 3.

²⁹ Там же. С. 4.

Преосвященный Филарет (Гумилевский; + 1866 г.), как и многие его сверстники, обучение грамоте начал с Псалтири: «Будучи пяти лет ... читал почти всю Псалтирь наизусть»³⁰. В дальнейшем любовь к чтению усиливается, ему отдается почти все свободное время. Крестьянин, знавший владыку в детстве и переживший его, вспоминал, что когда он в очередной раз увидел мальчика в поле с книгой, то на его шутливое замечание: «Митрий! Что бы тебе заняться делом? Вот хоть бы взять соху да пахать», — будущий инок ответил: «Ах! Если б ты знал, что в этой книге написано, то не расстался бы с нею»³¹.

Схиигумен Антоний (Путилов; + 1865 г.) в отрочестве получал книги, присыпаемые его старшими братьями, ушедшими в Саровскую пустынь, и, характеризуя впечатление от одной из них, писал родственникам в монастырь: «У меня от этой книги однно на уме: пачпорт да Саровская пустынь, т. е. получить пачпорт, да ехать в Саровскую пустынь»³².

Для многих обучение грамоте и чтению не было легко осуществимым делом и потому ценилось вдвойне. Книги показывали возможность иной, отличной от повседневности жизни; указывали путь, притягивающий своей законченностью и красотойозвучные явленному им совершенству души. В силу этого тяжело переживалась недоступность грамоты. Так, в жизнеописании иеросхимонаха Феофила (Горенковского; + 1853 г.) встречаем эпизод, когда умирает священник, только начавший обучать семилетнего сироту. Велико горе мальчика: он «плакал не потому, что у него (священника — А. А.) было хорошо жить, а потому, что потерял в нем мудрого наставника, едва начинавшего открывать перед ним свет учения и книжную мудрость»³³.

В крестьянском сословии помимо неграмотности препятствием к духовному чтению была и дорогоизна книг. Преодолевая эти трудности, крестьяне организовывали кружки чтения. Например, отец упоминавшегося выше иеросхимонаха Иоанна (Судьбицкого) Никита «хотя был и неграмотный, но не жалел своих сбережений, скопляемых упорным трудом про черный день, на приоб-

ретение разных душеспасительных книг»³⁴. В своем доме он собирал односельчан, и они до глубокой ночи проводили время в чтении Священного Писания, и в особенности Четы-Миней. Кружок любителей духовно-нравственного чтения рос. «религиозная волна постепенно охватила все сравнительно небольшой, приход»³⁵. Причем слушателями, членами этого кружка, были не только пожилые люди, но и молодые парни и девушки, которые «в праздничные дни, оставив свои веселые посиделки или беседы, шли послушать назидательного чтения»³⁶.

Итогом деятельности кружка, помимо религиозно-просветительской деятельности, стал уход монастырь нескольких его участников, причем крестьянин соседней деревни Алексей Мирон поступил в монашество всей семьей, с женой двумя детьми³⁷.

И такие примеры не единичны, о чем свидетельствуют и архивные источники. В частности, материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Вот некоторые из них. Приведем данные документы дословно для убедительности картины и ради красоты неподдельной достоверности стиля авторов.

Сообщение из Орловской губернии: «Однажды мальчик 12 лет, знавший немного грамоте (так как он учился в сельской школе), так углубился в чтение священных книг, что бросил отцовский дом и ушел в лес, находившийся от дома в 20 верстах»

Вятская губерния: «В д. Поздяки у крестьянина Ивана Пономарева был один сын Яков, умный мальчик. И когда по выходе из народной школы сильно занялся чтением душеполезных книг и житий святых, и после этого захотел остаться безбрачным и поступить в монастырь»³⁹.

И обобщающий вывод, сделанный корреспондентом из Вологодской губернии: «Стремление к отшельничеству большую частью возбуждается чтением рассказов из жизни святых, описаний разных святых мест и рассказами странников-богомольцев»⁴⁰. И еще: «Чтение житий святых так сильно действует на воображение крестьян, что мне известен случай побега одно-

³⁰ Там же. Декабрь. Ч. I. С. 7.

³¹ Там же. С. 13.

³² Житие преподобного схиигумена Антония Изд. Свято-Введенской Оптиной пустыни. 1992. С. 8.

³³ Иеросхимонах Феофил. М., 1996. С. 14.

³⁴ Жизнеописания... Ноябрь. С. 263.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 264.

³⁸ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 947. Л. 8.

³⁹ Там же. Д. 429. Л. 23.

⁴⁰ Там же. Д. 401. Л. 89.

го женатого молодого человека с целью поступления в монастырь»⁴¹.

Надо сказать, что хотя поступление в монастырь у героев этих сообщений по разным причинам, в том числе и трагическим (о чем мы будем еще говорить), не удалось, для нас важен сам факт, что побудительным мотивом к уходу из мира служило религиозное чтение.

Выше мы попытались показать, к каким результатам приводило длительное, вдумчивое изучение православной литературы, т. е. как шел процесс постепенного аккумулирования содержащихся в данных книгах идей и образов с последующим их воплощением в факты биографии, события реальной жизни усердного читателя.

Но засвидетельствовано много случаев, когда влияние чтения было столь же значительным, но процесс был лишен постепенности, результат был внезапен, похож на вспышку молнии, озарение. Достаточно было одной фразы, строки, мысли из христианского книжного наследия. Чаще всего такой силой воздействия на человека обладали слова Евангелия.

Преосвященный Иннокентий, епископ Пензенский (Егоров; + 1819 г.): «Однажды, при чтении Послания ап. Павла к Тимофею, его воображение было поражено образом истинного служителя веры»⁴². С тех пор указанный образец становится для юноши путеводным, он сверяет с ним свои слова и дела, стремясь к максимально возможному приближению.

Следует отметить, что в данном случае, коротком по времени действия, но могучем по силе восприятия образа иноческого, и шире – христианского идеала, не имело значения, грамотный человек или неученый.

Иеросхимонах Раненбургской пустыни о. Нифанай († 1861 г.) в детстве «однажды в церкви услышал слова Господа Иисуса Христа: *иже аще речет слово на Сына Человеческаго, отпустится ему; а иже речет на Духа Святаго, не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий* (Мф. 12, 32), и слова эти так врезались в его сердце, что он после того всегда, вспоминая эти слова, отгонял от себя хульные помыслы»⁴³.

Пожелавший остаться безымянным иеромонах Ф-л, чьи воспоминания были опубликованы в Киеве в 1888 г., рассказывает в них: «Прихожу в церковь к обедне (по происхождению он был кре-

стяин из Подолии – А. А.) и слышу, священник читает в Евангелии: *аще кто оставит дом, или села, или отца, или мать, или жену, или чада имене Моего ради, сторицю приимет и живот вечный наследует*. «Господи, — думаю, — да зачем же я скитаюсь в сем мире? И что это за жизнь? Одни скорби и лишения, страхи и мучения. Если и удалось что собрать, то кому оно достанется? Детей Бог забрал... А если оставить все это для Бога и самому послужить Богу?» Тут впервые посетила меня мысль о монашестве»⁴⁴.

Последние два примера свидетельствуют, что и неграмотные по тем или иным причинам люди (возраст, бедность, происхождение) имели возможность приобщаться к Св. Писанию. Эту возможность давало посещение храма. При регулярном присутствии на службах и внимательном отношении человек становился весьма сведущ, пусть и со слуха, в знании богослужебных книг и особенно Евангелия. А торжественность церковной обстановки усиливала воздействие Св. Писания на умонастроение прихожан, что и служило причиной перемен в их жизни.

Говоря о роли религиозного чтения в выборе иноческого пути, интересно отметить тот факт, что порой человек, на своем опыте испытавший влияние христианской литературы, сам становился впоследствии духовным писателем. И уже его книги способствовали решению идти чрез тесные врата.

Так, произведения иеросхимонаха Сергия (Веснина; + 1853 г.), любимыми книгами которого в детстве были Четы-Минеи и Св. Писание⁴⁵, стали широко известны в России и способствовали жизненному определению многих, в частности, в биографии старца иеросхимонаха Стефана Вятского (Куртеева; + 1890 г.) сказано: «В то время только что были отпечатаны ... «Письма Свято-горца о святой горе Афонской» (о. Сергия – А. А.). Эти увлекательные сочинения так подействовали на ум и сердце впечатлительного юноши, что он ушел из Петербурга с готовностью терпеть голод, холод и нищету и все скорби страннической жизни, без всяких средств, с одним упование на Бога, чтобы только достигнуть пустынной иноческой обители»⁴⁶.

На этом мы завершаем наш краткий анализ значения религиозного чтения как одного из причинных факторов ухода в монастырь и переходим к следующему разделу статьи.

⁴² Жизнеописания... Октябрь. С. 127.

⁴³ Там же. Август. С. 49.

⁴⁴ Из воспоминаний отшельника К-ской пустыни иеромонаха Ф-ла. Киев, 1888. С. 35.

⁴⁵ Жизнеописания... Август. С. 263.

⁴⁶ Жизнеописания... Декабрь. Ч. I. С. 392.

При знакомстве с материалами, повествующими о судьбах монашествующих, невольно обращаешь внимание на то обстоятельство, что со многими из них происходили различные, выражаясь современным языком, «несчастные случаи», т. е. события, ставившие человека на грань жизни и смерти.

Происходило это в разном возрасте, начиная с детского, и также не могло не оказаться при решении самого насущного для православного христианина вопроса — об образе «спасения души», склоняя при этом чашу весов в сторону иноческого делания.

Приведем несколько примеров, подтверждающих вышеизложенное соображение.

В детстве и отрочестве преосвященного Филарета (Гумилевского), архиепископа Черниговского, были следующие эпизоды: во время осеннего ледохода, играя, он вскочил на льдину и был унесен далеко от берега; осознав невозможность выбраться, «...в слезах крикнул он: «Маменька! Помолись хоть ты за меня!» — и льдину повернуло к берегу, а в душе мальчика «...осталось убеждение, что он спасен по молитвам благочестивой матери»⁴⁷.

Затем в лесу змея, на которую он нечаянно наступил, обвивается вокруг ноги, но почему-то некусает. Интересно восприятие события самим мальчиком, к змее были обращены следующего слова: «Ты меня не уязвила, ибо ангел-хранитель мой не допустил тебя уязвить меня»⁴⁸. Пережил еще будущий святитель и нападение израненного капканом волка. Также без видимых физических последствий, но, несомненно, со значительными духовными.

Глинский подвижник схимонах Пантелеимон (Криушенко; + 1895 г.): ребенком упал в реку, был спасен находившимися поблизости рабочими. Овин, в котором он спал вместе с братом, ночью загорается. Максим (мирское имя схимонаха о. Пантелеимона — А. А.) вытаскивает из огня брата, и сразу рушится крыша овина. «Вспоминая прошлое, старец говорил: «Меня всюду Господь хранил: в воде не утонул и в огне не сгорел»⁴⁹.

Преосвященный Поликарп, епископ Орловский и Севский (Радкевич; + 1867): угар от печноного дыма, мать несет ребенка в церковь и молится

пред иконой святителя Николая, пока жизнь не возвращается к ее сыну⁵⁰. Далее — падение четырехлетнего мальчика с высокого утеса и снова чудесное избавление от гибели по молитвенному обращению матери к святителю Николаю⁵¹. Уже учась в семинарии, преосвященный Поликарп был укушен змеей. Произошло это в праздник Усекновения главы св. Иоанна Крестителя. В лесу, где это произошло, семинарист гулял, чтобы избежать соблазна нарушения поста, предписанного в данный день. После укуса змеи прошла лихорадка, которой в то время был болен юноша. Характерна символическая трактовка происшествия — владыка, вспоминая о нем говорил: «Я милостию Божию, по молитвам большого из рожденных женами, Крестителя Господня, избавлен от двух зол: от укусения ядовитым гадом и несносной болезни — лихорадки»⁵².

Иеросхимонах Нафанаил (+1861 г.): молния убивает лошадь, которую он вел в поводу, «а он сам остался цел и невредим, вознося благодарность Богу за свое спасение»⁵³.

Старец Адриан Югский (+ 1853 г.): «Раз поднялся в селе ураган; мальчика захватило порывом вихря и сажен на 15 подняло от земли»⁵⁴. Видевшие это думали, что при падении он неминуемо разобьется. Но этого не случилось, мальчик словно невидимо силой был тихо поставлен на землю⁵⁵.

Прп. Анатолий Оптинский: по свидетельству биографа, в детском возрасте «девять раз жизнь его подвергалась опасности»⁵⁶.

Несчастный случай, пограничная ситуация могла произойти и не с самим человеком, но привести к не менее значительным последствиям.

Валаамский старец иеросхимонах о. Михаил (+1962 г.): в восемнадцатилетнем возрасте родственники хотят устроить его на работу на литейный завод в Санкт-Петербурге. Но незадолго перед этим на заводе погибает механик, за край одежды затянутый в машину. О трагическом происшествии много говорят. И вот — «...постоянная близость смерти, неверность жизни произвела на юношу сильное впечатление, и случай этот дал решительный толчок»⁵⁷, результатом которого стал уход из

⁴⁷ Там же. Декабрь. Ч. I. С. 9.

⁴⁸ Там же. С. 10.

⁴⁹ Там же. С. 237.

⁵⁰ Там же. Август. С. 452.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 453.

⁵³ Там же. С. 50.

⁵⁴ Там же. С. 114.

⁵⁵ Там же. С. 114.

⁵⁶ Там же. С. 163.

⁵⁷ Русский паломник. 1992. № 6. С. 93.

дому в поисках обители, где душе надлежало обрести надежное пристанище в этом временном мире.

Примеры можно было бы и умножить, но, думается, и приведенных достаточно, чтобы показать, как подобные кризисные ситуации влияли на православного человека, будя в нем живую благодарность к Богу и Его святым и вызывая ответное стремление посвятить спасенную жизнь Создателю. Что нередко и приводило впоследствии, как мы видели, к поступлению в монастырь.

* * *

Мы переходим к заключительной части нашей статьи, а именно – рассмотрению интересующего нас вопроса о причинах и обстоятельствах ухода в монастырь в современных условиях.

Сознавая недостаточность документальной базы и не претендуя, в связи с этим, на окончательность выводов, мы все же считаем возможным сказать о соответствии, совпадении алгоритмов (основных факторов и последовательности этапов) ухода из мира в прошлом с тем, как данный процесс происходит сейчас. С учетом, конечно, особенностей текущего исторического периода.

Попробуем, анализируя судьбы отдельных людей, наших современников, проследить указанное соответствие.

Пойдем по пунктам. Первый – влияние семьи. Детство всех нынешних насельников монастырей пришлось на советский период, и поэтому влияние атеистической эпохи коснулось их родителей. Само собой разумеется, что о получении религиозного воспитания в семье (за крайне редким исключением) не могло быть и речи. Но все-таки преемственность традиции православного домашнего воспитания прослеживается. И здесь следует отметить особую роль представителей более старшего поколения, поколения бабушек. Мужская часть поколения в силу понятных причин – репрессий, войн, традиционно более активного участия женщин в семейной педагогике – в наших материалах (и из-за незначительного объема исследований) почти не представлена. Как правило, именно бабушки выступали инициаторами крещения детей (отказываясь, если другие методы убеждения родителей не помогали, оставаться дома с некрещеным ребенком).

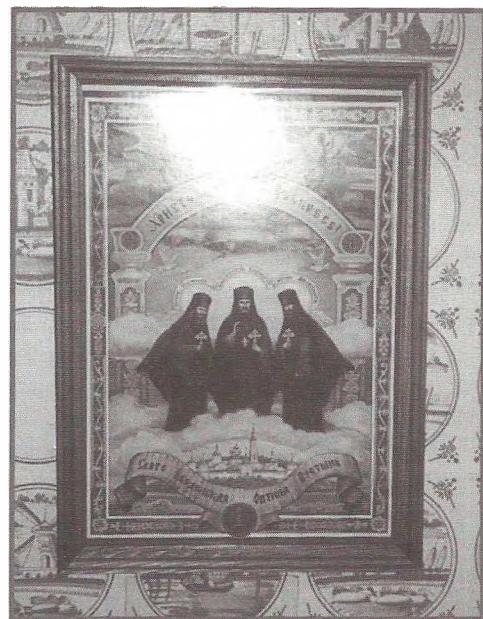
Так, инок Задонского Рождество-Богородицкого монастыря о. Варсонофий (Мельников; 1974 г. р.) был крещен на дому духовным отцом бабушки.

Бабушка же в свое время настояла на венчании его родителей, которое также происходило на дому, тайно⁵⁸.

Иеромонах того же монастыря о. Евфимий (Максименко; 1975 г. р.): бабушка не только крестила внука, но и до средних классов школы приводила его в храм, а на Пасху они вместе ежегодно причащались⁵⁹.

В жизнеописании оптинского инока Трофима (Татарникова), убиенного на Пасху 1993 года, читаем, что у него была глубоко верующая бабушка Мария⁶⁰.

В детстве на приснопамятного оптинского иеромонаха Василия (Рослякова) не мог не оказать влияние пример отца, прошедшего Великую Отечественную войну моряком-северофлотцем и имевшего мужество в послевоенные годы, осознав ложность идеи марксизма, выйти из партии.

Памятный монастырский листок с изображением убиенных оптинских монахов: иеромонаха Василия (Рослякова), иноков Трофима (Татарникова) и Ферапонта (Пушкирева) в доме жительницы г. Москвы. 2003.
Фото О. В. Кириченко.

Отец, Иван Федорович, при себе «...всегда носил маленькую иконку Пресвятой Богородицы, помнил наизусть молитву «Отче наш» и 90-й псалом «Живый в помози Вышняго», который не раз спасал его на фронте от неминуемой гибели»⁶¹. Игорь

⁵⁸ Материалы Воронежской экспедиции (МВЭ) 2002. Архив автора. Аудиокассета № 1.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ «Боже наш, помилуй нас!» Жизнеописание оптинского инока Трофима (Татарникова), убиенного на Пасху 1993 года. М., 2002. С. 17.

⁶¹ «Ты испытал меня, Боже, и знаешь...» Жизнеописание иеромонаха Василия (Рослякова). М., 2001. С. 9–10.

(мирское имя о. Василия) был крещен в детстве. Однажды его мама, Анна Михайловна, перебирая ящик стола, вдруг обнаружила крестильный крестик сына. Вот как это событие отразилось в душе уже пришедшего к сознательной вере Игоря. Запись в дневнике: «...Я надел тот крестик впервые после крещения, бывшего 27 лет назад. Явный знак Божий. Во-первых: указующий, может быть, приблизительно, день моего крещения, — это радостно. Во-вторых: напоминающий слова Христовы: *возьми крест свой и следуй за Мною* — это пока тягостно... Воистину крестный день!»⁶² Так, может быть, память о произошедшем в детстве крещении и найденный крестик усилили напряженную внутреннюю работу мысли и чувств молодого человека по выбору жизненного пути и способствовали принятию решения о иноческой судьбе.

Следующий фактор. Значение встреч с духовными людьми — монахами, паломниками, блаженными. Несмотря на все усилия, приложенные советской властью к уничтожению религии, довести задуманное коммунистическими идеологами до «победного», с их точки зрения, конца не удалось. Сохранилась православная вера, сохранились и ее исповедники. И их пример, слова, образ действий также во многом влияли на формирование в молодом поколении представления о монашестве как идеальном пути спасения.

Иеромонах И.,⁶³ говоря о детских годах, подчеркивает, что встречи и беседы с живущей в соседней деревне блаженной старицей во многом определили его приход в монастырь. Рассказывает следующий эпизод. В школе отца И. преследовали за ношение нательного крестика и однажды высмеяли его за это в стенгазете. Он, расстроившись из-за насмешек одноклассников, вдруг неожиданно вспомнил, как за несколько дней до происшествия блаженная, к которой он зашел, подчеркнуто произнесла (причем вне контекста разговора): «А я газет никогда не читаю!» Печаль мальчика сразу прошла. Были и другие случаи прозорливости блаженной, о которых отец И. умолчал и которые, несомненно, укрепляли веру мальчика. А на поступление в монастырь отца И. благословил священник, по возвращении из лагерей живший на колокольне сельского храма (речь идет о послевоенных годах — А. А.).

Иеромонах Евфимий (Максименко): когда классе в 4-ом он пришел с бабушкой в храм, к ним подошел известный в округе блаженный и со словами: «Вот тебе, батюшка, крестик!» подал ему нательный крест. Бабушка испугалась, подумав о предзнаменовании скорой смерти, и вернула крестик. Но присутствовавшие в храме монахини, оставшиеся в городке после закрытия обители, убедили бабушку в благом значении поступка блаженного. Крестик был взят обратно. По свидетельству о. Евфимия, он часто вспоминал об этом случае, особенно когда его дразнили мальчишки, и иногда думал: «Может, монахом стану». Как видим, предсказание блаженного сбылось в полной мере — о. Евфимий не только монах, но и священник⁶⁴.

Но, конечно, встречи с подобными людьми, носителями православной духовности, в современных условиях редки. И этот недостаток восполняется книгами. Фактор религиозного чтения в сравнении с прошлым неизмеримо возрос, и его влияние просматривается у абсолютного большинства монашествующих, опрошенных нами в ходе полевых исследований. Речь идет о современном поколении насельников монастырей, когда уже не испытывалось недостатка в духовной литературе. Люди же, выросшие в условиях антирелигиозных репрессий советского времени, знакомились со словом Божиим с большими трудностями, подчас в чрезвычайных условиях.

Так, архимандрит Кирилл (Павлов) вспоминает: «После освобождения Сталинграда нашу часть оставили нести караульную службу в городе. Здесь не было ни одного целого дома... Однажды среди развалин... я поднял из мусора книгу. Это было Евангелие. Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение...»⁶⁵

Выше, говоря о дореволюционном периоде, мы приводили примеры мгновенного по своей краткости, но не менее значительного по силе, воздействия на человека истины христианского книжного наследия.

Подобные свидетельства имеются и в наши дни.

Иеросхимонах Паисий (Уваров; + 2002 г.) в начале семидесятых годов прошлого века, в юношеском возрасте, когда особенно остро стоит вопрос выбора будущего, зайдя в сельский храм, услышал слова из апостольского чтения: «Иже верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, загради-

⁶² Там же. С. 27.

⁶³ Следует сказать, что там, где было согласие информатора на публикацию, его данные, как-то: название монастыря, имя, фамилия, возраст приводятся полностью. В противном случае мы ограничиваемся лишь инициалами — А. А.

⁶⁴ МВЭ 2002. Архив автора. Аудиокассета № 2

⁶⁵ Архимандрит Кирилл (Павлов). Проповеди. М., 1999. С. 119.

ша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острия меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих ... друзии же руганием и ранами искушения прияша, еще же и узами и темницею, камением побиени быша, претрени быша, убийством меча умроша, проиода в милотех и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающеся и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных...» (Евр. 33, 34, 36—38). Своей духовной дочери, инокине Г., о. Паисий говорил, что Господь посетил его через эти слова Св. Писания Свою благодатию, сердце возгорелось любовию к Нему, возникло твердое решение посвятить себя служению Богу⁶⁶. И то, что для стороннего наблюдателя может выглядеть случайнм совпадением или субъективным переживанием, для самого человека, испытавшего такое воздействие, становится несомненным фактом духовной биографии, определяющим развитие жизни. Важно отметить, что слова апостольского послания пророчески указали не только иноческое будущее о. Паисия, но и образ его служения. По благословению архимандрита Кирилла (Павлова) — и здесь видится преемственность поколений христиан, духовное становление которых пришлось на советское время, — о. Паисий почти двадцать лет, до самой кончины, подвизался в пустынях Кавказа, в горах Абхазии и явился «не слушателем забывчивым, но исполнителем дела» (Иак. 1, 25).

Важный этап в определении будущего инока — избрание монастыря, в котором он будет подвизаться. И здесь мы видим соответствие благочестивой практике прошлого — часто выбор обители и сам уход в нее происходит по указанию духовного лица.

Иеромонаху о. Евфимию путь на Задонский Рождество-Бородицкий монастырь указала схимнице (1923 г. р.), духовная дочь схиархимандрита о. Виталия (Сидоренко: + 1992 г.). Надо сказать, что данный совет пришелся весьма вовремя, так как к тому моменту настоятель городского собора, где алтарником служил о. Евфимий, ставил вопрос о его рукоположении в белого священника.

Здесь важно отметить, что ввиду оскудения лиц, обладающих духовным видением, способных правильно оценить устроение молодого человека, его склонности и внутренний настрой, весьма вероятна возможность глубокой ошибки в выборе образа служения Богу.

О. Варсонофий (Мельников) также стоял на перепутье — принимать ли после окончания семинарии священство в миру, как советовал батюшка, у

Часовня свт. Тихона Задонского в мужском Бородицком Задонском монастыре Липецкой епархии. 2001 г. Фото О. В. Кириченко.

которого он окормлялся, или идти в монастырь, как подсказывало сердце. «В душе я тяготился женитьбой...» — о. Варсонофий. Сомнения решил духовник городского женского монастыря, тоже хорошо знавший о. Варсонофия, сказавший с неодобрением и удивлением: «Вам жениться? Какой же батюшка вам это благословил?»⁶⁷ Окончательно же выбор определила встреча с настоятелем монастыря, где теперь подвизается о. Варсонофий. Интересно отметить, что и невеста о. Варсонофия ныне монахиня одного из монастырей Воронежской области.

В приведенных примерах мы видим всю меру ответственности настоятеля монастыря, принимающего молодого человека в число братии. Тем более, что часто речь идет о единственном ребенке в семье и легко понять состояние родителей, не готовых к такому выбору сына и желающих ему другой доли.

Настоятель монастыря должен и их не оставить скорбящими. Так произошло и в нашем случае. О. Варсонофий: «В течение полчаса (на встрече с настоятелем — А. А.) их отношение поменялось...»⁶⁸ Мама и бабушка о. Евфимия после посещения монастыря и бесед с настоятелем тоже по-иному взглянули на судьбу сына и внука.

Надо отметить, что в семьях, где кто-то из детей принимает иночество, во многом изменяются отношения между оставшимися родственниками, зачастую родители сами приходят к вере. Примеры.

⁶⁶ Архив автора.

⁶⁷ МВЭ. 2002. Архив автора. Аудиокассета № 1.

⁶⁸ МВЭ. 2002. Архив автора. Аудиокассета № 1.

Из случаев принятия монашества по обету, в связи с угрозой жизни, автору стал известен только один. Иеромонах о. И., будучи альпинистом, попадает в кризисную ситуацию в горах (сход снежной лавины) и в душе обещает Господу, что если останется в живых, то послужит Ему. Спустя время он, по собственному выражению, «благополучно забыл» о данном обете⁶⁹. И снова – сход лавины, и еще более горячая мольба к Спасителю. Далее, пусть и не сразу, – поступление в монастырь.

С темой пограничных ситуаций, обетов тесно связан приход в монастырь людей с преступным прошлым.

Как говорит евангельское повествование, первым из людей, вошедших в рай, был покаявшийся благоразумный разбойник. Прославлен и почитаем целый ряд святых, таких, как преподобный Монисей Мурин, достигших высот иноческого совершенства, обратившихся от разбойной жизни.

В ходе экспедиционных поездок нам довелось узнать о нескольких историях наследников, повторивших евангельский сюжет в наши дни.

Иеромонах А. в юности занимался квартирными кражами. Попав в милиционскую засаду, взмолился ко Господу, что «если Ты есть, помоги избавиться от тюрьмы, и я уверую в Тебя». Затем, открыто выйдя из окруженного дома, направился в сторону ближайшего милиционера, но тот не заметил его⁷⁰.

Трудник Г. пришел в монастырь в связи со следующими обстоятельствами. Находясь в федеральном розыске, был задержан и находился в пересыльной тюрьме, готовясь к этапированию к месту совершения преступления. Также дал обет Господу, что примет монашество, если будет освобожден. Дело закрыли. Г. получил свободу⁷¹.

Чтобы ярче представить процесс, происходящий в подобных обстоятельствах в душе человека, и учитывая обычную несловоохотливость имеющих такой опыт людей, приводим длинную цитату из рассказа послушника одного из российских монастырей: «Какая-то серая, тягучая пелена нависла над камерой. Она давила на сердце так, что стало трудно дышать, как никогда. Казалось, ни малейший атом моего естества не имеет права существовать. Я не человек, я – сплошной грех. Много раз на свободе я переживал отчаяние, резал себе вены, пытался выброситься с балкона – казалось, нет ничего страшнее отчаяния. Но то, что я испытал в ту минуту, было во сто раз страшнее. Наверное, это – ад, подумал я. Хотя что я

знал об аде и рае: так, пустячные детские сказочки... И вдруг – свет. Откуда-то сверху. Я вижу стоящего, во весь рост, Христа, да-да, я не вижу Его лица, но чувствую – это Он. Поймите, ведь я не прочитал о Нем ни одной книги, не думал о Нем, но это был Он. Я бросился к Нему, стал обнимать Его колени. И почувствовал, как Его руки гладят меня по голове. Да-да, было реальное ощущение рук в пустой камере. И пришло облегчение. Как нарыв прорвался. А Бог-то, оказывается, есть...»⁷²

Здесь мы снова касаемся темы видений, как сонных, так и наяву, зачастую играющих решающую роль в жизненном выборе человека, для которого они являются несомненной реальностью, фактом биографии.

И еще одна современная история. В городке, расположеннем на севере Пермской области, на территории монастыря еще с советских времен находился следственный изолятор. Когда в 90-е годы монастырь передали Церкви, изолятор не перевели, и находившиеся под следствием (а оно может продолжаться долгие месяцы) имели возможность наблюдать за жизнью странных, с их точки зрения, людей – наследников обители. Итогом наблюдений явилось то, что после отбытия срока наказания несколько человек вернулись в городок и изъявили желание вступить в число братии.

Но в целом, следует сказать, попытки людей, имевших в прошлом проблемы с законом, прийти и добросовестно подвизаться в монастыре чаще всего, по свидетельству опытных людей, оканчиваются неудачей.

Так, иеродиакон Стефан (Киселев), ведающий в Задонском Рождество-Богородицком монастыре шефством и перепиской с тюремными учреждениями, отмечает, что большинство письменных просьб заключенных сводится к получению от монастыря лекарств, продуктов и одежды (в чем, по мере возможности, монастырь помогает), а о желании получить духовную литературу, св. Евангелие речь почти не идет. Из тех же, кто приходил в монастырь после освобождения, не остался ни один.

Но путь, указанный благоразумным разбойником, по-прежнему открыт для каждого.

* * *

В заключение хочется сказать, что нами в данной статье рассмотрен только начальный ряд причин, приводящих к поступлению в монастырь, и автор надеется на продолжение публикации.

⁶⁹ Материалы Ярославской экспедиции (МЯЭ). 2002. Архив автора. Тетрадь № 1.

⁷⁰ МВЭ. 2001. Архив автора. Тетрадь № 1.

⁷¹ МВЭ. 2001. Архив автора. Тетрадь № 1.

⁷² Русский дом. М., 2001. № 1. С. 13.